

№ 1. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ Цѣна 1 руб.

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1 января. ГОДЪ ИЗДАНІЯ III-Й. 1918 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1918 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМЪ АРМЯНСКОЙ ЖИЗНИ.

III ГОДЪ ИЗДАНІЯ **АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ** III ГОДЪ ИЗДАНІЯ

издаваемый „Московскимъ Армянскимъ Издательствомъ" при ближайшемъ участіи А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА.

Особое вниманіе въ журналѣ будетъ удѣлено вопросамъ осуществленія въ армянской жизни великихъ началъ, возвѣщенныхъ февральской революціей—укрѣпленію завоеванныхъ свободъ, защитѣ идеаловъ народоправства и самоопредѣленія армянскаго народа.

Постоянные отдѣлы: ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. ◆ НАЦІОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ и статьи по армянскому вопросу. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ, КООПЕРАЦІЯ и пр. ◆ ЗЕМСТВО и ГОРОДЪ. ◆ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, АРХЕОЛОГІЯ, ИСТОРІЯ и ЭТНОГРАФІЯ АРМЯНЪ. ◆ БИБЛІОГРАФІЯ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Агабабовъ Р. А., А—До, Адамовъ М., Аджемовъ Х. С., Авпаурянъ Ар., Авьянъ М. Е., Алавердянъ М. Я., Акопянъ С., Ананов І. Н., Аракелянъ А. В., Арзумановъ М., Агрон. Г. В. Арутюновъ, Арутюнянъ Е. А., Атабековъ А. И., Атрпетъ, Ахумянъ Т., Бабіянъ С., Барановскій Я., Бархударіанъ С., Г. Башинджагянъ, Священникъ Бекгулянъ Р., Брюсовъ В. Я., Бурышкинъ П. А., Хр. А. Вермишевъ, Варавдянъ М., Ведребисели Д. К., Верховскія Юр., акад. Веселовскій Ал. Н., Веселовскій Ю. А., Враціанъ С., Вячеславъ Ивановъ, Городецкій С., И. И. Голобородько, Г. Гяндджецянъ, Давыдкинъ Д., Девоянъ Т., кн. Долгоруковъ П. Д., Евангуловъ Г. Г., Егіазаровъ А. И., Енгибарянъ Р., Заровъ С., Заргаръ-Никогосовъ Ц., Кара-Мурза С. Г., проф. Кизеветтеръ А. А., Кирѣева М., Коставянцъ К., Косоянъ Г., Л. С. Козловскій, профессоръ. Котляревскій С. А., Кротковъ С., Кулебякинъ, А., Кучукъ-Іоаннесовъ Х. И., Кушлю Ал., Ледницкій, проф. Л. З. Мсеріанцъ, Макарянъ А. Макинціанъ П., Мждловъ А. З., Меликъ-Арустамянъ М., А. Р., Лео, Лисиціанъ Србуи, Меликъ-Степанянъ С., Микаэлянъ К., Мицинскій Тадеушъ, Немировичъ-Данченко Вас. И., Овакимянъ В., Огановскій Н. П., чл. Гос. Думы Пападжановъ М., Папазянъ В., Петросянъ П., Пиралов А. С., Пирвердіевъ С., Пирумовъ С., Поповъ А., Реулло Н., Ростакіанъ І., свящ. Сарикянъ А., Саянскій К., Сафрастьянъ А., Сибирскій Ф., Сирумянцъ П., Сологубъ Ф., Сырейщикова Е., Сюникъ, пр. У. Г. Сайбертъ, А. Ф. Салиховскій, Тазэ Маріамъ, Тамарянъ А., Теръ-Григоріанъ Осанна., Теръ-Захарянъ Е., Терлемезянъ П., Теръ-Ованесянъ С., проф. Тотоміанцъ В. Ѳ., Ов. Туманьянцъ, кн. Тумановъ, Г. М., кн. Тумановъ К. М., Туманянъ А., У. Уильямсъ, Н. П. Фадеевъ-Бобыль, Халатовъ, А. И. Хатисовъ, Л. Г., Ханазатъ Р., Чалхушянъ, Гр., Чубаръ Г., Шарти, Шахатунянъ А., Шермазановъ Г. Ш., чл. Гос. Думы Щепкинъ Н. Н., Эльтэ, Яблоновскій С. В., Явницкій В. І.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 12 мѣс.—20 р. На 6 мѣс.—11 р. На 4 мѣс.—8 р. На 3 мѣс.—6 р. На 2 мѣс.—4 р. На 1 мѣс.—2 р.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 1 РУБЛЬ. ◆ ЗА ГРАНИЦУ ВДВОЕ. ◆ За перемѣну адреса 50 коп.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: Строка петита: впереди текста—1 руб., позади текста—60 коп. Ширина страницы 4 колонны.

Съ 1 января будутъ издаваться подъ редакціей Юрія Веселовскаго „ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СБОРНИКИ АРМЯНСКАГО ВѢСТНИКА" съ участіемъ видныхъ русскихъ и армянскихъ писателей.

ЦѢНА за каждую книжку 2 р. 50 коп.

Журналъ „Армянскій Вѣстникъ" на время войны будетъ выходить два раза въ мѣс. 1 и 15 въ размѣрѣ одного листа.

Сборники „Армянскаго Вѣстника" будутъ выходить 1 разъ въ мѣсяцъ въ размѣрѣ 3 листовъ.

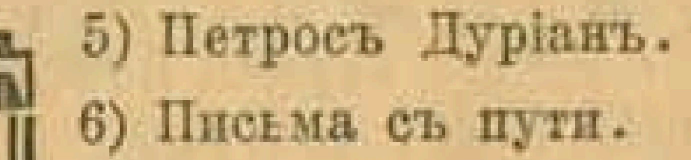
...торы: Москва, Мясницкая, 20. — Телеф. 3-85-69.

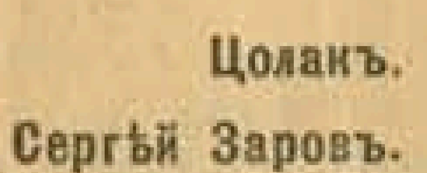
Редакторъ Иванъ Томасовичъ АМИРОВЪ.

Издатель „Московское Армянское Издательство".

МОСКВА.

СОДЕРЖАНIЕ № 1.

Москва, 1 января.

Обычная календарная дата въ тотъ моментъ, который мы переживаемъ, прiобрѣтаетъ какую-то особенную значительность.

Что принесетъ армянскому народу новый годъ? Вотъ вопросъ, который съ тревогой задаетъ себѣ каждый армянинъ. И нужно признать, что причинъ для того, чтобы задуматься, болѣе, чѣмъ достаточно.

Никогда еще будущее, и притомъ не очень далекое, не казалось чреватымъ такими серьезными переломами въ жизни армянскаго народа какъ сейчасъ. Поставлены самые коренные вопросы существованiя нацiи. И они могутъ получить самое различное рѣшенiе въ зависимости отъ того или иного хода мiровыхъ событiй.

Освобожденiе отъ турецкаго ига или продолженiе вѣковой неволи? Независимость или вассалитетъ? Перспектива свободнаго развитiя съ обладанiемъ средиземно-морского побережья или стиснутое въ горахъ прозябанiе безъ вы[хода] въ море? Возсоединенiе частей историч[еской]

территоріи или сохраненіе національной раздробленности? Словомъ прогрессъ или упадокъ, свѣтъ или тьма, жизнь или смерть?

Армянскій народъ безсиленъ добиться тѣхъ рѣшеній по всѣмъ этимъ вопросамъ, которые ему нужны. Въ концѣ концовъ онъ — всего только «малый народъ», истекающій вдобавокъ кровью. Крупныя рѣшенія будутъ приниматься болѣе сильными. И трудно сказать, кто изъ сильныхъ скажетъ въ ближайшемъ будущемъ объ армянахъ послѣднее слово. Если до большевистскаго возстанія все было ясно по крайней мѣрѣ въ самомъ крупномъ, то теперь замутились самые ясные прогнозы, и каждый день можетъ принести какую-нибудь новую неожиданность, мѣняющую всю картину.

Очень многое зависитъ отъ того, сохранится система нашего союза съ великими демократіями Запада или она будетъ сокрушена. А если будетъ сокрушена, какая политика будетъ вершать судьбы человѣчества — демократическая, та которая печется о правахъ малыхъ народовъ и которую защищаютъ Англія, Франція и Соединенные Штаты, или имперіалистическая,—та которую проводитъ Германія и которой сознательно или безсознательно содѣйствуетъ нынѣшняя русская власть?

Повторяемъ, многое въ томъ, что опредѣлитъ судьбы Арменіи не во власти армянскаго народа. Многое ему придется принять такъ какъ ему будетъ навязано силою. Но, спрашивается, воля самого армянскаго народа можетъ выразиться въ чемъ-нибудь?

Несомнѣнно. Въ настоящій моментъ происходитъ огромная организаціонная работа, работа такого размаха и значенія, послѣдствія которой трудно даже учесть. Она идетъ въ двухъ направленіяхъ, общеполитическомъ и военномъ. Съ одной стороны, армянскій народъ, наконецъ, сталъ на ту точку зрѣнія, на которую онъ долженъ былъ стать давно. Онъ пришелъ къ сознанію, что безъ общенаціональнаго органа дѣло его будущаго будетъ строиться помимо его воли. И въ настоящее время органъ національной воли армянскаго народа уже существуетъ. Съ другой стороны, въ разныхъ концахъ Россіи, гдѣ имѣются ячейки армянскихъ организацій идетъ лихорадочная работа по формированію военной силы Арменіи. Въ столицахъ и на Кавказѣ армянскіе воины, солдаты и офицеры сосредоточиваются въ особыя армянскія части и направляются туда, гдѣ они могутъ быть необходимы въ ближайшее же время, на Кавказскій фронтъ.

Это именно то, что нужно. На этомъ именно должно сосредоточиться сейчасъ и въ наступающемъ году національная работа. Но не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что эта работа — чрезвычайно трудная. Она требуетъ не только огромнаго самообладанія со стороны націи, не только желѣзной планомѣрности, но, что быть можетъ важнѣе, готовности къ великимъ жертвамъ.

Дѣло вѣдь идетъ о будущемъ всего народа. Возможно, что народъ окажется въ такомъ положеніи, когда только своими силами онъ будетъ ковать свою судьбу. Армянская нація показала, что она способна жертвовать людьми. Армянская молодежь широко участвовала въ добровольческомъ движеніи въ началѣ войны съ Турціей. Но жертвы людьми не достаточно. Нужны жертвы финансовыя, тѣ—которыя подъ силу только имущимъ. Необходимо признать, что этого рода жертвы были всегда сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Моментъ, къ которому мы приближаемся — критическій въ исторіи Арменіи. Вопросъ ставится и рѣшается совершенно опредѣленно. Быть или не быть Арменіи — вотъ въ чемъ этотъ вопросъ.

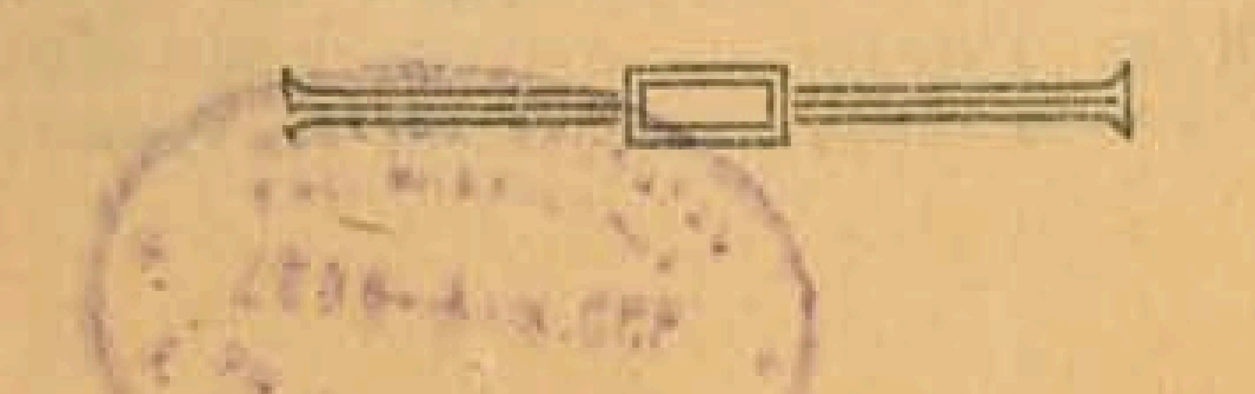
Сознаніе трагической значительности, рокового величія момента должно быть во всѣхъ душахъ. И готовность къ жертвамъ должна объединить всѣхъ.

Новый годъ долженъ быть встрѣченъ съ суровой серьезностью, съ вѣрою въ то, что то рѣшеніе судьбы Арменіи, которое онъ принесетъ—а онъ его принесетъ—будетъ тѣмъ, какое нужно армянскому народу, и въ то же время съ готовностью принести величайшія жертвы, какія только потребуются.

Иначе будущее Арменіи будетъ опредѣлено, и надолго, силами, чуждыми интересамъ самого армянскаго народа.

При этихъ условіяхъ страшно становится сказать читателю: «съ новымъ годомъ», а хочется сказать ему другое:

— Помните, что судьба родины рѣшается въ новомъ году, и помните, что каждый изъ васъ можетъ такъ или иначе повліять на это рѣшеніе.

Національная жизнь въ 1917 году.

Минувшій годъ сыгралъ особо-важную роль въ національномъ вопросѣ, разрѣшеніе котораго за 1917 годъ подвинулось во много разъ больше, нежели за все время, истекшее съ первой русской революціи. Не только теоретически—въ программахъ политическихъ партій—на партійныхъ или національныхъ съѣздахъ, но и въ самой жизни, вопросы національные получали новое освѣщеніе и выдвигались на первый планъ среди всѣхъ прочихъ государственно-правовыхъ проблемъ и особенно въ послѣдніе, близкіе къ нынѣшнимъ днямъ, мѣсяцы—національной вопросъ, казалось, наконецъ сошелъ „съ неба на землю", пріобрѣлъ совершенно новый невиданный раньше конкретный характеръ, сталъ передъ нами какъ очередная задача—задача сегодняшняго дня, выполненіе которой въ формѣ автономіи и федераціи, т. е. осуществленіе во всей полнотѣ національной программы, стало категорическимъ императивомъ нашего поколѣнія.

Февральская революція принесла раскрѣпощеніе національностей. Возрожденіе къ новой свободной жизни угнетенныхъ народностей, было непремѣннымъ условіемъ вновь установившагося въ революціонной Россіи правопорядка.

Сброшенное иго самодержавія, естественно толкало національности въ сторону скорѣйшаго и наилучшаго использованія благъ революціи. Подъемъ національнаго самосознанія казался здоровой и понятной во всякомъ случаѣ реакціей противъ пережитаго гнета.

Въ февралѣ уже обозначилось два пути, а въ мартѣ и особенно въ апрѣлѣ, народности Россіи болѣе или менѣе опредѣленно пошли по одному изъ нихъ. Опредѣляющимъ моментомъ въ тактикѣ обѣихъ группъ народностей послужило отношеніе къ Учредительному Собранію. Признавая безусловно за Нимъ право распоряжаться территоріей и судьбой бывшей Россійской Имперіи, одни націи воздерживались отъ самочиннаго осуществленія автономіи, другія же наоборотъ, желая поставить Учредительное Собраніе передъ лицомъ свершившагося факта, фактически осуществляли автономію, оставивъ лишь Учредительному Собранію право санкціонировать существующее уже автономное устройство. По мѣрѣ того какъ Временное Правительство теряло свой авторитетъ въ массахъ, и надежда на скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія ослабѣвала—тактика національностей первой группы дѣлалась все рѣшительнѣе, а властные и энергичные пріемы управленія національными дѣлами въ областяхъ все болѣе склоняли населеніе на сторону мѣстной власти, хотя въ кругахъ интеллигенціи и буржуазіи и проскальзывало недовѣріе къ національнымъ органамъ—развивалась и крѣпла подъ вліяніемъ опредѣленной части прессы тревога за прочность національныхъ завоеваній до Учредительнаго Собранія; это опасеніе имѣло почву въ особенности для тѣхъ, кто не былъ увѣренъ въ соціалистическомъ составѣ и въ децентрализаціонныхъ и федералистскихъ настроеніяхъ будущаго Учредительнаго Собранія.

Такъ было въ Финляндіи, на Украинѣ, зрѣло подобное настроеніе въ Бѣлоруссіи. Проявлялись зачатки этого „сепаратнаго автономизма", если можно такъ выразиться и въ Бессарабіи, и на мусульманскихъ съѣздахъ Поволжской и Приуральской Россіи.

Эта—первая стадія развитія національнаго движенія въ истекшемъ году продолжалось до лѣта,—точнѣе сказать, до VIII съѣзда партіи народной свободы, явившагося своего рода вѣхой въ исторіи разрѣшенія національнаго вопроса въ Россіи. Всѣмъ памятны извѣстные переговоры Петрограда съ Радой—поѣздка М. И. Терещенки и И. Г. Церетели въ Кіевъ и тѣ настроенія, которыя въ связи съ этой поѣздкой создались въ національныхъ кругахъ. Поведеніе украинскихъ кадетовъ, заявившихъ о своемъ выходѣ изъ партіи въ случаѣ упорства съѣзда признать автономію Украины, какъ извѣстно, заставило партію народной свободы примириться съ мыслью о необходимости выработки украинской конституціи и включенія автономіи Украины въ программу партіи. Хотя к.-д. и не измѣнили своего взгляда о недопустимости осуществленія лозунговъ автономіи до Учредительнаго Собранія, но все же признаніе подъ грубымъ давленіемъ факта украинской автономіи партіей народной свободы не могло не произвести тягостнаго впечатлѣнія въ національныхъ кругахъ. Вѣдь умѣренные соціалистическіе круги тоже не считали желательнымъ полное осуществленіе автономіи, но все же заглушать національно-политическія стремленія народностей они не признавали возможнымъ.

Все это опредѣлило въ достаточной степени отношеніе національностей къ россійскимъ политическимъ партіямъ. Укрѣпилась подъ вліяніемъ поступка украинскихъ к.-д. увѣренность въ важномъ, почти рѣшающемъ значеніи „реальной силы". И націи посвятили себя національно-государственному строительству.

Второй періодъ національной жизни въ истекшемъ году начинается именно „процессомъ собиранія національныхъ творческихъ силъ" для объединенія и совмѣстной тактической работы. Въ Петроградѣ засѣдаетъ конференція національно-соціалистическихъ партій, собравшая представителей всѣхъ почти націй Россіи, имѣющихъ въ средѣ своей соціалистовъ. Въ виду выяснившихся симпатій народныхъ массъ къ соціалистамъ съѣздъ національно-соціалистическихъ партій въ Петроградѣ сыгралъ значительную роль въ томъ смыслѣ, что онъ во первыхъ укрѣпилъ среди соціалистовъ идею національно-партійнаго строительства, а во вторыхъ склонилъ массы отъ всероссійскихъ соціалистическихъ партій, за рѣдкими исключеніями не чуждыхъ централизма—на сторону

мѣстныхъ національно-соціалистическихъ партійныхъ образованій.

Участіе отъ армянскаго народа представителей партіи Дашнакцутюнъ, отъ грузинъ соціалистовъ-федералистовъ обезпечило контактъ Закавказья съ національными группами центральной Россіи. Конференція національно-соціалистическихъ партій создала постоянный органъ—въ лицѣ Совѣта національно-соціалистическихъ партій, роль котораго не была впрочемъ значительна въ то время, ибо тогда до апогея національнаго движенія было еще далеко.

Самымъ важнымъ событіемъ этого періода въ развитіи интересующаго насъ вопроса—былъ второй съѣздъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и первый Всероссійскій съѣздъ совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, созванный въ іюнѣ. Какъ на первомъ такъ и на второмъ изъ упомянутыхъ съѣздовъ принципіально признаны были права націи на полное самоопредѣленіе, причемъ съѣздъ совѣтовъ, по докладу меньшевика Либера[1]) призналъ, что „Россія немедленно должна вступить на путь децентрализаціи“, а Временное Правительство, повинное въ томъ, что ограничивалось лишь туманными декларативными заявленіями въ національномъ вопросѣ, должно было издать декларацію о признаніи за всѣми народами права самоопредѣленія вплоть до отдѣленія, осуществляемаго путемъ соглашенія въ Учредительномъ Собраніи, а также декрета о равноправіи языковъ при сохраненіи за русскимъ языкомъ значенія общегосударственнаго. Резолюціи перваго съѣзда совѣтовъ по національному вопросу были очень слабо использованы Временнымъ Правительствомъ, что отчасти и послужило поводомъ къ накопленію у національностей чувства „національнаго максимализма“. А это въ свою очередь создавало поводъ къ повышеннымъ требованіямъ. Составъ перваго съѣзда Совѣтовъ, какъ извѣстно, былъ въ сущности довольно-умѣренный—меньшевистко-эсэровскій.

Центральное мѣсто на III съѣздѣ партіи с.-р. въ Москвѣ занялъ докладъ М. В. Вишняка—по вопросу объ основныхъ принципахъ государственнаго устройства (республика, автономія и федерація[2]). Отвергая идею „президента“ какъ пережитка монархическаго строя, съѣздъ призналъ „демократическую федеративную республику—безъ президента;“ основной задачей партіи въ вопросахъ государственнаго устройства призналъ какъ основу государственности—самоуправленіе и законодательствованіе (автономія) населенія области на мѣстахъ[3]).

Наконецъ партія с.-р. открыто признаетъ важную роль „факта“, для опредѣленія рамокъ, содержанія мѣстной автономіи. Изъ доклада М. В. Вишняка это явствуетъ какъ нельзя болѣе.

[1]) „Извѣстія Совѣта Раб. Депутатовъ“ № 93 отъ 23 іюня.

[2]) См. тезисы, принятые по докладу М. В. Вишняка, „Трудъ“ № 54, 1917 г.

[3]) Тезисъ 8.

„Объемъ и предѣлы власти децентрализованной единицы—говорится въ немъ—является вопросомъ факта“, и дальше „признаніе извѣстной территоріи за государство, самостоятельное и независимое—за единство, близкое къ государству, тоже является вопросомъ факта, зависитъ отъ ряда объективныхъ-историческихъ, соціально-экономическихъ и національно-психологическихъ условій[1]) и должно быть опредѣлено взаимнымъ соглашеніемъ между государствомъ цѣлымъ и территоріально-меньшимъ единствомъ“ — (Тезисъ 11).

Приводя дословно эти тезисы, мы намѣренно подчеркиваемъ значеніе этого признанія фактической коньюнктуры, послѣдовавшее изъ устъ партіи, успѣхъ и преобладаніе которой на грядущихъ выборахъ въ Учредительное Собраніе, тогда не подлежалъ сомнѣнію. И наряду съ этимъ характерная резолюція конференціи большевиковъ въ Петроградѣ[2]), признающая принципъ, декларированный Ленинымъ: и пролетаріатъ господствующихъ націй долженъ дать другимъ націямъ свободу на самоопредѣленіе, а пролетаріатъ угнетенныхъ націй этой свободой не долженъ воспользоваться, ибо такое сочетаніе великодушія и покорности требуется неисповѣдимыми законами мірового развитія по представленію лидера большевиковъ. Единственный выходъ изъ положенія былъ указанъ въ созидательной работѣ національныхъ соціалистическихъ партій. Отъ успѣха ихъ дѣятельности зависѣла величина той гири, которую національность могла бы въ рѣшительный моментъ бросить на вѣсы исторіи учитывая національно-политическую коньюнктуру передъ Учредительнымъ Собраніемъ—ибо отъ „факта“ зависѣло слишкомъ многое.

Тогда національности поняли, въ какомъ направленіи должны они дѣйствовать. Областной съѣздъ Сибири (первый) въ іюнѣ, дифференціація по партіямъ Закавказскаго крестьянства на краевомъ съѣздѣ, наконецъ растущая организація областной власти на Дону, на Кубани,—все это признаки яснаго пониманія народностями предстоящаго хода событій и ихъ стремленія учесть наиболѣе благопріятно для націи, для области вновь создавшуюся политическую коньюнктуру.

Еще не всѣмъ ясенъ происшедшій переломъ въ національномъ вопросѣ, нѣкоторые еще живутъ надеждами на великія рѣшенія извнѣ, но большинство уже смутно чувствуетъ близость реализаціи своихъ національныхъ требованій и лихорадочно готовится къ борьбѣ за ихъ осуществленіе, укрѣпляя единство и боеспособность своего національнаго фронта, надѣясь лишь на его „реальную силу“. Принципъ національизаціи войскъ, начавшійся осуществленіемъ немного позже, тогда же сдѣлался однимъ изъ лозунговъ этого движенія. Не всѣ однако были увѣрены въ томъ, что національная реакція будетъ здоровой и даже оздоровляюще

[1]) Разрядка наша. The Reviewer.

[2]) „Arbeiterstimme“ № 10. Петроградъ.

подѣйствуетъ на фронтъ и на прилегающій къ нему національный тылъ. И только послѣ сентябрьскаго съѣзда народностей въ Кіевѣ въ національномъ вопросѣ повѣяло весной.

На кіевскомъ съѣздѣ, явившемся переходнымъ рубежомъ отъ второй стадіи къ нынѣшнему заключительному періоду торжества національной идеи, присутствовали делегаты почти отъ всѣхъ народностей.

По странной досадной случайности представителей армянъ на съѣздѣ не было (задержались въ пути). Выступленіе М. С. Грушевскаго съ програмной рѣчью о федераціи было самымъ яркимъ моментомъ съѣзда, прояснившимъ окончательно задачи національностей, вокругъ которыхъ онѣ должны объединиться. И только нѣкоторые, въ томъ числѣ представитель грузинъ, ошибочно восприняли идею, воодушевившую съѣздъ, заявивъ, что „мыслятъ федерацію не какъ самоцѣль, а какъ переходъ къ полной самостоятельности". Развалъ и анархія перекинулись изъ Петрограда и Кронштадта во внутреннія губерніи на окраины, грозя затопить въ своихъ волнахъ всю Россію. И тутъ окончательно прояснилась творческая роль соціалистически-настроенныхъ національныхъ демократій народностей Россіи.

Третья эпоха національно-государственнаго строительства началась съѣздомъ народностей Терской области, выработавшимъ свою терскую союзную конституцію, продолжалась созданіемъ Юго-восточнаго союза Донского и Кубанскаго казачьихъ войскъ, киргизскихъ народностей Астраханской губ. и горскихъ народовъ Терской области и Дагестана. Юго-восточный союзъ, создавъ свое федеральное правительство въ Ростовѣ-на-Дону явился первой цитаделью грядущаго торжества федеративныхъ идей въ Россіи.

Вслѣдъ за этимъ подоспѣлъ большевистскій переворотъ и тогда примѣру Украины сочли необходимымъ послѣдовать рядъ націй и областей. Свои правительства создали Закавказье, Крымъ, Бессарабія, Кокандъ, Сибирь, Башкирія и пр.

По федеративному принципу перестраивается фронтъ. Сильнымъ толчкомъ къ созданію національной власти въ областяхъ, явилась потребность обезпечить производство выборовъ въ Учредительное Собраніе отъ давленія со стороны центральной власти — большевистскаго правительства.

Исходъ выборовъ почти всюду доказалъ крупный успѣхъ національно-соціалистическихъ партій—представители ихъ составятъ въ Учредительномъ Собраніи довольно сильную и многочисленную группу.

Грузинскіе с.-д., армянскіе дашнакцаканы, украинскіе эсъ-эры, татарскіе с.-р., башкиры-федералисты, еврейскіе сіонисты и пр.—вотъ партіи, получившія большинство голосовъ національныхъ избирателей на окраинахъ, на территоріи Россіи—въ областяхъ, населенныхъ не русскими. И это симптоматично. Законы исторіи совершаются помимо воли людей и измѣнить эти законы люди не въ силахъ.

Сейчасъ колесо русской исторіи поворачивается въ сторону федерализма. И никакая партія, какъ бы вліятельна и могущественна она не была, не можетъ этому помѣшать. Тщетны будутъ поэтому и централистскія попытки правительствующихъ нынѣ большевиковъ. Грядущій годъ завершитъ этотъ начатый уже нынѣ историческій процессъ. Національности освободились отъ оковъ. Они сбросили путы, стѣснявшія ихъ развитіе, они создали національную власть — таково содержаніе минувшаго 1917 года.

Они подадутъ другъ-другу руки и мощной федеративной семьей пойдутъ мѣрными стопами по пути прогресса, въ этомъ, вѣримъ мы—смыслъ и значеніе будущаго 1918 года.

The Reviewer.

Грезы.

Словно стаи — вереницы,
Вьются грезы, грезы—птицы,
Вьются змѣйкой повилицы,
Что зарницы —
Между тучъ!..

Не въ опалѣ, не въ печали
Рдяный звонъ звенитъ въ хоралѣ.
Не въ печали вьется въ дали,
Въ хмѣльномъ валѣ
Гульный ключъ!

Звукъ отлива, звукъ прилива, —
Море вѣчно говорливо.
Въ огнебрызгахъ, въ журчномъ взвивѣ-
Вьетъ извивы
Лунный лучъ!

Грезой — чуткій, грезой—юный, —
Я влагаю вспѣвы въ струны,
Чтобъ звончѣй звучали струны —
Гимнъ буруна —
Рьянъ и жгучъ!

И ведутъ меня ступени
Въ царство огненныхъ видѣній,
Гдѣ въ опалѣ звѣздныхъ млѣній
Грезитъ геній
Горнихъ кручъ!

Грезы—жемчугъ и алмазы,
Гіацинтъ, рубинъ, топазы,
Грезы—звѣздные оазы,
Грезы—сказы
Громныхъ тучъ!

И, какъ стаи—вереницы,
Вновь витаютъ грезы—птицы,
Грезы—птицы, что орлицы,
Что зарницы —
Между тучъ!..

Цолакъ.

Киликія *).

Когда блеснетъ Заря улыбкой
И дни зимы умчатся вдаль,
И возгоритъ лазурью зыбкой
Арменія, смѣнивъ печаль..
Когда деревъ тѣла нагія
Одѣнетъ пышностью весна,—
Прими меня о, Киликія,—
Обѣтова́нная страна!..

Я видѣлъ долы Уріона,
Хребтовъ утесистый Либанъ,
Внималъ я тайнамъ небосклона
Италіи лазурныхъ странъ...
Но все жъ милѣй поля родныя,
Гдѣ жизнь печалью вспоена,—
Прими меня о, Киликія,—
Обѣтова́нная страна!..

Есть въ жизни нашей грань нѣмая,
Гдѣ блекнутъ грезы юныхъ дней.
Есть грань, гдѣ тлѣетъ огневая
Струя восторженныхъ страстей...
И въ часъ, когда любви стихія
Пошлетъ прощальную весну,—
Прими меня о, Киликія,—
Въ обѣтова́нную страну!..

Цолакъ.

Мечта.

Сонетъ.

Зардѣвшись, что цвѣтокъ, — ты вскрылась въ бликахъ Дня,
Сквозь дымность млечную разсвѣтнаго тумана!
Въ горнилѣ рдяныхъ зорь,—въ рубинности Вулкана
Пріяла звѣздный ликъ небеснаго Огня!..

Хмѣлѣетъ мозгъ тобой, — узывчиво маня,
Какъ сны хрустальные коралловъ океана.
И лирный звонъ Весны и чары талисмана,
Въ свирѣльный, гульный токъ включаю, стихъ граня!..

Зовись Мечтой! — Блистай молнійностью межъ скалъ,
Скрѣпивъ алмазно мысль въ коралловыя звенья!—
И, какъ Любовь и Смерть—въ ликующемъ мгновеньи

Воспламени, отлей мой творческій кристаллъ:
И, да звенитъ, гудитъ раскатистой грозой
Въ пространственныхъ мірахъ—всезвонною Мечтой!..

Москва. *Цолакъ.*

*) Одна изъ популярныхъ народныхъ пѣсенъ.

Поэту.

Тебѣ, поэтъ, я шлю свое посланье,
Къ тебѣ я рвусь плѣненною душой
И говорю, что лишь твои мечтанья
Таятъ въ себѣ и бурю и покой.

Лишь ты, поэтъ, свободный, вдохновенный
Намъ о любви повѣдать знойно могъ,
И, если гнѣвъ владѣлъ тобой мгновенный
Онъ свѣтелъ былъ, какъ горный ручеекъ.

Ты новыми, волшебными словами
Будилъ въ душѣ восторги и мечту,
Ты жизни путь осыпалъ весь цвѣтами
И даже въ тьмѣ искалъ ты красоту.

Ты намъ открылъ невѣдомыя грезы,
Могучій гимнъ прекрасному пропѣлъ,
Созвучьемъ строфъ ты осушилъ намъ слезы
И, гордый,—смѣло на судьбу глядѣлъ.

Ты, какъ пророкъ, въ порывѣ вдохновенья.
Будилъ огонь въ измученной груди,
И разгонялъ тяжелыя сомнѣнья,
Вѣщая намъ о раѣ впереди...

Ты будешь жить! И жить не умирая,
Доколѣ живъ печальный родъ людей,
И пѣснь твоя могуче—громовая
Воздвигнетъ для тебя нетлѣнный мавзолей!

Сергѣй Заровъ.

Пѣсня юноши.

Твои глаза небесъ эмаль,
А косы золото полей,
Улыбка устъ твоихъ—хрусталь,
Уста жъ твои—кораллъ морей.

Твой голосъ—пѣнье райскихъ птицъ,—
Въ немъ жизни жизнь отражена;
Я предъ тобой склоняюсь ницъ,
Тобою пѣснь моя пьяна.

Я сердцемъ солнца лучъ ловлю,
Чтобъ сердце обнажить лучу,
Чтобъ жарче вылилось „люблю",
Когда любить тебя хочу.

Чтобъ смѣлымъ могъ я быть тогда,
Когда уста влечетъ къ устамъ,
Чтобъ знала ты: тебѣ всегда
Себя и жизнь свою отдамъ.

Сергѣй Заровъ.

Слѣпое счастье.

(Съ армянскаго).

Когда худая та дѣвушка блѣдная, съ юнымъ цвѣтущимъ лицомъ, преждевременно взбороржденнымъ морщинами, проходила по улицѣ, прохожіе съ изумленіемъ глядѣли ей вслѣдъ.

Ихъ ошеломляли роскошныя кудри дѣвушки. Цвѣта стараго золота, очаровательныя пряди ея волосъ, словно вуалью златотканной окаймляли ей плечи.

Когда же зефиръ, жадно лаская, развѣвалъ золотистыя косы, прекрасной хламидой обнимавшія станъ дѣвушки блѣдной, — ни одинъ смертный не могъ бы равнодушно смотрѣть на это дивное достояніе, красовавшее мраморъ ея—плечъ.

Порой подходили къ ней, трогали это чудное сокровище, ласкали его и, не въ состояніи утаить, громко высказывали восхищеніе.

А зачастую кидали убійственные взгляды ехидной зависти.

И разъ, услышала дѣвушка, какъ одна богатая женщина крикнула ей вслѣдъ:—„Иронія природы! – На что бѣдной работницѣ такое чудное украшеніе? И что за диво!—Самой царицѣ служить могли бы гордостью ея златоцвѣтные локоны!..“

Слѣдующимъ же воскресеньемъ подошла она съ безстыдной дерзостью къ работницѣ и съ дѣланнымъ добрымъ выраженіемъ во взорѣ—произнесла:

— „Дѣточка моя, не желаешь ли продать мнѣ эти косы. За нихъ я много заплачу. На тѣ деньги ты въ состояніи будешь купить даже золотые часы!

Съ ниспавшими волосами, дѣвушка удивленно взглянула на богатую женщину, и хотѣлось ей сказать: „Какъ, продать эти волосы, единственную мою гордость? А что сказали бы подруги мои, съ какой насмѣшкой встрѣтили бы меня?.. Что сказалъ бы женихъ мой, живой и крѣпкій мой кузнецъ красивый.—Женихъ мой, которому любо въ досужные часы ласкать мои пышныя кудри и всегда повторять: „Маленькая моя подруга, эти златострунныя косы—единственное, чѣмъ приголубила тебя судьба. Если ты потеряешь ихъ,—потеряешь и меня. Ты лишишься ихъ,—и я полюблю другихъ дѣвушекъ, и дѣвушки другія полюбятъ меня!..“

Все это дѣвушкѣ блѣдной хотѣлось сказать, но—рѣшила она передъ посторонней женщиной не разоблачать святую святыхъ души своей.

И, не проронивъ ни слова,—продолжила путь—безмолвно и грустно...

Съ той поры много несчастія и горя постигло это бѣдное существо.

Часто подъ гнетомъ острой нужды, полуголодная терпѣла она горькія лишенія, и лишь прекрасное украшеніе судьбы все еще продолжало служить ей утѣшеніемъ.

Короной златокованной блистало оно, красиво вѣнчая многопекущуюся голову.

Мать умерла, отецъ давно ужъ къ работѣ не былъ пригоденъ.

Двое малолѣтокъ остались на ея попеченіи. Долгими ночами, при тускломъ свѣтѣ лампы кроила и шила она.

Но улыбка всегда озаряла ея блѣдный ликъ:—любила она кузнеца, чьи ласки бодрили и питали ея безпросвѣтное существованіе.

Но горе никогда одно не приходитъ: наступилъ день, когда судьба вновь раскинула лукавыя сѣти свои.

Тяжко захворалъ любимый ея женихъ, живой и крѣпкій кузнецъ красивый.

Тяжелый ударъ молота ушибъ ему колѣно. Надолго лишился онъ работы. И мрачное отчаяніе обуяло сердца ихъ.

Долго боролась дѣвушка, еще больше отъ безсонныхъ ночей страдала она при тускломъ свѣтѣ лампы.

И осѣнилъ тяжелый, убійственный день, когда она постучалась въ двери богатой женщины и съ робкой боязнью предложила:—„Вы хотѣли купить мои волосы.

— Я согласна!..“

Утаить восторга не въ состояніи была богатая женщина.

Призвала цирюльника. И въ холодныхъ лезвіяхъ ножницъ пресѣклось живое дыханіе волнъ золотыхъ.

И когда возвращалась эта дѣвушка героиня, имѣя въ рукѣ нѣсколько золотыхъ, – глухо, но больно почувствовала она, какое великое преступленіе, преступленіе передъ собой совершила она въ тотъ моментъ.

Красивый кузнецъ сталъ выздоравливать.

Но чаще и чаще странный и непривычный его взглядъ болью отзывался въ сердцѣ бѣдной дѣвушки,—словно въ дрожь бросало ее.

— Маленькая моя подруга—говорилъ кузнецъ,—зачѣмъ эти златострунныя косы—единственное, чѣмъ приголубила тебя судьба,—зачѣмъ ты въ жертву принесла?..“

— Вѣдь это ради тебя, во имя твоей любви!.. Нѣтъ, я не лишилась счастья, напротивъ я покрыла свое счастье!..

И жемчужины слезъ блистали въ безцвѣтныхъ глазахъ дѣвушки блѣдной...

Такъ осенью поздней искрится иней въ поляхъ...

А когда пришла весна, запѣли ручьи въ лѣсахъ, засіяли деревья въ пышномъ убранствѣ цвѣтовъ и вдали, въ лѣсу звонкую лиру настроилъ соловей,—кузнецъ, живой, какъ весной ручей, красивый кузнецъ—женился. Новая, очаровательная невѣста въ бѣлоснѣжномъ нарядѣ напоминала лилію, а чарующіе волосы чернымъ янтаремъ обрамляли ей плечи.

И въ ту же ночь, когда кузнецъ горячіе поцѣлуи запечатлѣлъ въ уста новой, чернокудрой невѣсты,—тамъ, въ лѣсу, гдѣ каскадно трелилъ соловей, на пышномъ, убранномъ цвѣтами деревѣ качался трупъ дѣвушки блѣдной.

Дѣвушки, чьи глаза, отъ безсонныхъ ночей, были черны и мрачны—какъ и само горе.

Цоланъ.

ЭРЗЕРУМЪ. Пріѣздъ Комиссара Закавказья Харламова.

Петросъ Дуріанъ.

Кто хоть разъ въ жизни видѣлъ на деревѣ въ самомъ расцвѣтѣ весны, среди зеленой, торжествующей листвы одинъ-одинокій, не во-время пожелтѣвшій листокъ, для котораго нѣтъ весны, а есть лишь осень, какъ бы ни шумѣла жизнь вокругъ него, тотъ пойметъ и почувствуетъ душу и поэзію Петроса Дуріана, этого поблекшаго осенняго листочка новой армянской поэзіи. Онъ жилъ такъ мало, такъ коротка была нить его жизни, что порой кажется, что не успѣлъ онъ даже высказать самаго главнаго изъ всего, что его тревожило и волновало всю жизнь, что накопилось въ душѣ, что хотѣлось бы высказать, а не унести съ собою въ холодную могилу. Нѣсколько драматическихъ сценъ и двѣ тоненькихъ книжечки стиховъ, вотъ все, что осталось послѣ него.

Но онъ сказалъ все, все то, что волновало его душу, все то, что вообще возможно безпомощными и блѣдными словами человѣческаго языка. Въ этихъ двухъ маленькихъ книжкахъ его стиховъ высказано много, гораздо больше, чѣмъ у многихъ другихъ авторовъ въ десяткахъ томовъ. Въ этоихъ небольшихъ тщедушныхъ тетрадкахъ столько подлинной живой души, столько безысходной мучительной тоски, безнадежности и нестерпимой боли, и столько разлито отравленной горечи и сознанія тлѣнности и бренности всего существующаго, что становится страшно, когда читаешь его книги, эту исповѣдь больного сердца, жутко оттого, что эти книги открываютъ самыя интимныя глубины измученной души, не познавшей ни разу того счастья, о которомъ мечтала всю жизнь. Въ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ онъ высказалъ все,—всю свою вѣковѣчную тоску и боль и всю свою вѣковѣчную мечту. Больше ему не осталось ничего высказать, ибо дальше этого некуда итти, глубже этого спуститься въ душу свою самому невозможно. Онъ жилъ всего лишь двадцать лѣтъ, но въ эти двадцать лѣтъ, онъ прошелъ весь полный кругъ своей жизни, отъ востока до запада, всѣ ступени ея лѣстницы, отъ самой нижней до самой верхней, и оттуда взглянулъ на весь міръ и за черту, за таинственную грань которую только умирающіе переступаютъ. Болѣзненно онъ прожилъ свою жизнь. Тяжело больной и день ото дня тающій, какъ тоненькая свѣчка, онъ воспринималъ все острѣе, глубже, чѣмъ другіе, улавливалъ всѣ звуки и настроенія тоньше, чѣмъ окружающіе его. Съ неугасающимъ огнемъ въ груди, онъ прошелъ въ малый срокъ свой мучительно-долгій путь жизни, и все, чего онъ прикоснулся дыханіемъ своимъ, обратилось въ сѣрый, безжизненный пепелъ, и отовсюду смотрѣли на него скорбныя тѣни вѣчнаго покоя, отовсюду смотрѣла на него холодная яма могилы. Шелестъ платья той, которую онъ любилъ, звучалъ для него вѣчнымъ напоминаніемъ смерти, призывалъ къ концу, и въ шуршаніи листьевъ онъ слышалъ шумъ земли, падающей на деревянную крышку гроба...

Дальше этого уже некуда итти. Больше этого ему ничего не осталось сказать. Смерть логически закончила кругъ его жизни. Смерть оправдала все его творчество, отмѣченное дыханіемъ заката, налетомъ конца. Черезъ смерть его творчество стало ближе къ намъ, оно стало глубже и духовнѣе.

И если мы теперь съ такимъ душевнымъ трепетомъ и жуткимъ страхомъ подходимъ къ его стихамъ, печальнымъ аккордамъ его душевной элегіи, это потому только, что мы знаемъ, знаемъ до послѣдней строки, что все это правда, жестокая правда, что жизнь и творчество его шли одной воспаленной тропой и что и въ той, и другой области передъ нимъ стоялъ одинъ и тотъ же грозный призракъ – смерть.

Смерть является тѣмъ центромъ, вокругъ котораго вращается вся его разъ навсегда встревоженная душа, разъ навсегда отравленное ея ядомъ сознаніе. Смерть, это—тотъ трагическій надрывъ, та высшая боль, которая терзаетъ его, которая мечетъ отъ одной крайности къ другой. То онъ молитъ о жизни, то проклинаетъ ее, то молитъ о любви судьбу жестокую свою, то хочетъ убѣжать отъ колдующихъ чаръ ея въ тѣнистые лѣса, слишкомъ поздно понявъ, что „жизнь, какъ сонъ", какъ великая суета, какъ хрупкій одуванчикъ, разлетается въ прахъ отъ одного только слабаго прикосновенія къ ней. Слишкомъ поздно онъ почувствовалъ всю тщетность земныхъ мечтаній и метаній, тоски по достиженіямъ, но разъ познавши ихъ суетность, разъ взглянувши вглубь этой головокружительной бездны, онъ уже не могъ оторваться отъ нея, и всю свою жизнь, короткую, но многострадальную, онъ прожилъ съ несмываемой печатью внутренняго ужаса на блѣдномъ челѣ своемъ. Это она, неотступная мысль о близкой смерти, о неизбѣжной кончинѣ, состарила его, сожгла и опустошила его душу и пронесла въ двадцать лѣтъ такой долгій путь душевныхъ страданій, какой иные проходятъ, можетъ быть, долгіе, долгіе годы. И пусть не кажется преувеличеннымъ и неправдоподобнымъ то, что двадцатилѣтній юноша съ такой глубокой тоской говоритъ уже о „прошломъ счастьѣ", о былой любви, отъ которой ему нужно отдохнуть въ лѣсу, на горахъ или на берегу звонкаго ручья. Съ такой болью, какая сломила цвѣтокъ его души, съ такимъ отчаяніемъ, какое звучитъ въ его напѣвахъ, о чемъ бы онъ ни пѣлъ, не можетъ быть ни въ одномъ сердцѣ мечты о настоящемъ счастьи, о возможной радости. Все въ прошломъ, все въ туманѣ минувшаго, а впереди только черная, зіяющая яма могилы, приближеніе которой онъ такъ болѣзненно-остро видитъ во всемъ, что его окружаетъ.

И та ночь, тѣ звѣзды, та луна, которыя многихъ-многихъ всегда очаровывали, навѣвая имъ тихую радость, вливая ясную струю счастья въ сердце, для него являются только еще новымъ напоминаніемъ о грядущей смерти.

„Ночь —гробъ мой; звѣзды-факелы; унылъ
Блуждаетъ мѣсяцъ, плача, средь могилъ.
Для тѣхъ, надъ кѣмъ никто не сронитъ слезъ,
Ты этотъ мѣсяцъ въ небеса вознесъ“*).

И не ласковымъ и чарующимъ кажется ему этотъ вознесенный рукою Божьей мѣсяцъ, не незабываемые сны рождаетъ онъ въ душѣ, а вѣчнымъ плакальщикомъ надъ всѣми одинокими и безпріютными ходитъ онъ, холодный и нѣмой, и только слезы горькія капаютъ на землю со стрѣлъ его отравленныхъ лучей...

И эта трагедія, этотъ гнетъ сознанія конца потому такъ мучительны для него, что, несмотря на другое сознаніе призрачности всего окружающаго его міра, онъ все-таки глубоко любитъ весь этотъ міръ, всю многообразную вселенную, тонко чувствуетъ каждую былинку и травинку въ поляхъ, нѣжное дыханье вѣтерка, тихій шелестъ листьевъ и синюю глубину бездоннаго неба. А такъ трудно, такъ невыносимо трудно чувствовать приближеніе конца, слышать его холодное дыханіе, когда такъ любишь всю эту зеленую природу, такъ хочешь съ нею слиться, хотя и чувствуешь свою оторванность отъ нея, хотя сознаешь себя осеннимъ листкомъ, что „поблекъ и изсохъ“. Такъ трудно говорить „прости“ этому міру, хотя и боль только доставившему сердцу, когда помимо всякаго внутренняго сознанія, помимо всякихъ выборовъ и „ума холодныхъ наблюденій“, имѣешь глаза, которые такъ ласково и широко улыбаются веснѣ, солнцу, цвѣтамъ и ей, самой прекрасной и самой нѣжной изъ женщинъ, когда имѣешь сердце горячее, которое даже въ самую трудную минуту жизни не можетъ не биться сильнѣе, когда услышитъ знакомый голосъ, шелестъ знакомаго платья.

Да, трудно жить, но еще труднѣе умирать, еще труднѣе разставаться съ жизнью, хотя и злой мачехой, не давшей ни одного восторга, не согрѣвшей уста и чело ни однимъ горячимъ поцѣлуемъ, не озарившей душу ни однимъ свѣтлымъ лучомъ.

И потому такъ понятно, и съ другой стороны, съ такой надрывной болью звучитъ его мольба:

... „Мнѣ искру дайте, искру, чтобы жить!
Какъ послѣ грезъ холодный гробъ* возлюбить?
О, Боже, какъ судьба моя черна,
Могильной сажей вписана она.
О, влей хоть каплю пламени въ нее!
Я жить хочу, хочу любить еще...
Мнѣ въ душу падайте огни небесъ,
Чтобъ вашъ любовникъ горестный воскресъ!..“

Какъ послѣ грезъ возлюбить холодный гробъ? Трудно возлюбить и нельзя возлюбить. И хотя грезы, это —сама жизнь, которую онъ принимаетъ, какъ горестное сновидѣнье, какъ миражъ, но все же это сновидѣнье, слѣдовательно, нѣчто, дающее просторъ подсознательнымъ мечтамъ, идущимъ наперекоръ холодному разсудку. А что даетъ „холодный гробъ“, какъ не навѣки вѣчный конецъ всѣмъ чаяніямъ сердца, всѣмъ радостямъ души, которыя случайно могутъ посѣтить и самаго несчастного изъ несчастныхъ!

Но тщетны и напрасны наши мольбы. Судьба глуха, а небо никогда не хочетъ слышать человѣческихъ стоновъ, не внимаетъ ихъ словамъ. Да и сами по себѣ наши слова слишкомъ слабы, слишкомъ мало выразительны для того, чтобы ими можно было изобразить всю глубину нашихъ мукъ, съ одной стороны, и все величье и необъятность нашихъ чувствъ, съ другой стороны. Если мы прибѣгаемъ къ содѣйствію словъ, этимъ мы только унижаемъ себя, свои чувства, производимъ давленіе на свою душу, которая по своей природѣ всегда неизмѣримо шире и глубже насъ и нашихъ словъ и необъятна, какъ вселенная. Во всѣ трудныя или величественныя мгновенья нашей жизни сознаніе это вырастаетъ особенно и поглощаетъ всѣ прочія. Потому то и не идутъ слова въ эти мгновенья, что мы какъ-то инстинктивно чувствуемъ, что не въ словахъ дѣло. Вотъ почему такъ часто возвращается Дуріанъ къ тому, чтобы снова и снова подчеркнуть бездонную глубину молчанья.

Когда онъ вспоминаетъ о томъ мигѣ, въ который онъ со своимъ другомъ сидѣлъ на берегу Босфора и любовался небомъ и волнами, ихъ неподражаемой игрой и внималъ ихъ шуму, онъ говоритъ:

„Молчали мы: Просторъ души
Лишь оскорбить слова могли.
Два блѣдныхъ пламени въ тиши,—
Другъ въ другѣ лишь горѣли мы“...

И еще разъ въ стихотвореніи „что говорятъ?“ онъ снова возвращается къ этому.—

„Мнѣ говорятъ: „Ты молчаливъ!“
Но развѣ словъ полна заря,
Что вспыхнула, глаза раскрывъ?—
Она безбрежна, какъ и я.“

Именно потому что душа стихійно безмѣрна, что она бездонна и глубока, а слова слишкомъ поверхностны, слишкомъ ограничены, именно поэтому и нельзя говорить, нельзя нарушать молчанія, когда оно является само собою, какъ великое цѣлое, какъ душевная необходимость.

И не характерно ли такое отношеніе къ молчанію для поэта, который оставилъ всего только небольшую книжечку стиховъ въ полсотни страницъ, въ которыхъ онъ тѣмъ не менѣе сказалъ все, что могъ сказать!

Но человѣкъ все-таки не совершенство, и часто, такъ часто ему нужно высказаться, хотя бы слабыми, „безсильными“ словами, хотя бы только оскорбляющими „просторъ души“. Когда же? Когда же ему можно говорить? Да и можно ли?

„Когда погаснетъ блескъ очей,
И сердца бой замретъ,—
О, лишь тогда и для рѣчей
Безсильныхъ часъ придетъ!..“

*) Этотъ отрывокъ и дальнѣйшія выдержки изъ стихотвореній Петроса Дуріана приведены частью въ переводахъ В. Брюсова, К. Бальмонта, Е. Сырейщиковой и В. Бакулина. см. сборникъ „Поэзія Арменіи“ подъ ред. В. Брюсова. М. 1916 г. стр. 439-444; частью же въ собственныхъ переводахъ, нигдѣ ранѣе не напечатанныхъ. Т. А.

Тогда и только тогда. Иными словами,—не надо словъ, грѣшныхъ и праздныхъ словъ, когда даны намъ „бой сердца“ и „блескъ очей“, когда дана душа „безбрежная“, какъ заря. Ими и только ими надо принимать жизнь, отдаваться ей, ими только надо выражать все то, что есть внутри насъ—въ душѣ. Не увеличивать боль, которая каждому изъ насъ дана, словами, ничего не говорящими, а молчать и, молча, все переносить.

Въ концѣ концовъ, что бы мы ни говорили, что бы ни выражали въ эти тягостныя мгновенья нашей жизни, когда такъ велика потребность открыть себя, свою боль предъ другими,—все равно, мы ничего исправить не можемъ, ничего измѣнить не въ состояніи, все будетъ такъ, какъ было, потому что въ конечномъ счетѣ мы только еще болѣе растравимъ старыя раны и снова не въ первый разъ убѣдимся, что—

„все смѣялось въ злобѣ торжества,
и этотъ міръ—насмѣшка Божества!..“

Да, этотъ міръ для многихъ и многихъ не болѣе, какъ злая „насмѣшка Божества“, вѣчная боль и „холодный гробъ“, въ которомъ они бьются, живые мертвецы, но даже и ихъ не минуетъ прекрасная изъ прекрасныхъ—любовь, и хотя бы на мигъ, но все-таки найдетъ въ поспѣшномъ бѣгѣ своемъ время, чтобы остановиться у больной и молчаливо тоскующей души и влить въ нее цѣлительный бальзамъ своихъ чаръ и очарованій.

Что же дала она Дуріану? Дала-ли она ему почувствовать красоту ея переживаній, ея восторговъ и ожиданій? Принесла ли она ему то великое облегченіе, которое онъ вправѣ былъ ожидать отъ нея?

Нѣтъ, и любовь не влила въ сердце его сладостнаго бальзама, хотя и пришла для этого, хотя и вся она есть благословенная радость. И любя, онъ не переставалъ видѣть передъ собой призрака смерти. И въ любви онъ не могъ отыскать для прекрасной дамы своего сердца вовѣки неумирающихъ напѣвовъ.

И „съ давнихъ поръ, какъ стрѣлы смерти милый взоръ“, съ давнихъ поръ онъ любитъ ее, бѣжитъ за нею, какъ тѣнь неотступная, то вѣтеркомъ хочетъ быть, чтобы ласкать ея волосы, осушать ея слезы, то розой нѣжной хочетъ быть, чтобы, будучи сорванъ, увядать на груди ея, то кристально-чистымъ ключемъ хочетъ звенѣть, чтобы отразить въ водахъ своихъ улыбающееся лицо ея, то золотомъ хочетъ сверкать, чтобы угасать въ ее ароматныхъ волосахъ, и, наконецъ, то могильнымъ камнемъ ея былого возлюбленнаго хочетъ стать, чтобы слезы ея падали на него, чтобы, обнимая холодную плиту могильную, она обнимала его, касалась его сердца.

Глубокая, неудовлетворенная любовь! Она дала ему одну только боль, одну лишь тоску -и не дала ни одной радости.

Въ тотъ мигъ, когда онъ хотѣлъ раздѣлить свое одиночество съ журчащимъ ручейкомъ, съ звенящимъ вѣтеркомъ и съ дремучимъ лѣсомъ, явилась она, „жестокая“, но нѣжная и прекрасная и сказала: „О, сердце, будь со мной!“ и онъ простился со своимъ одиночествомъ, вспыхнулъ, какъ пламень волшебный, раненый стрѣлой ея сердца. Но она пришла и ушла. Она недолго съ нимъ была и, уходя навѣки отъ него, она шепнула ему: „Не можешь ты любить меня“. И все погибло. Вся жизнь куда-то провалилась, все смѣялось надъ нимъ „въ злобѣ торжества“, и даже судьба усмѣхнулась надъ сердцемъ его, и только могила, эта послѣдняя пристань нашихъ мятущихся душъ, только она не смѣялась надъ нимъ, а только придвинулась ближе.

Но если выпадаетъ на долю души одинокой несчастье, оно приходитъ не одно: за нимъ идутъ еще и еще... Ему пришлось пережить еще одну боль, быть можетъ, самую глубокую.

Кошмарный сонъ привелъ его къ могилѣ, въ которую опускали тѣло его возлюбленной, къ могилѣ, которая должна была навѣки поглотить звѣзды ея очей и розы щекъ ея. Ему пришлось услышать передъ своимъ концомъ глухой стукъ комовъ земли, ударяющихся о крышку гроба ея. И вотъ.—

„Въ тотъ мигъ, когда могилу засыпали,
И сердце мнѣ засыпали землей,—
И этотъ міръ, отданный лишь печали,
Засыпали навѣки предо мной“.

Съ того дня потемнѣла его душа, порвалась послѣдняя нить, связывавшая его съ этимъ призрачнымъ міромъ, въ которомъ такъ много разлито горечи и тоски.

И невольно, невольно обращаются глаза, мечты, думы туда, въ запредѣльное царство, куда уходятъ всѣ, но никто не возвращается обратно. Можетъ быть, тамъ лучше? Можетъ быть тамъ радость, счастье, любовь?.. Но какъ это узнать? И можно-ли узнать?

И онъ обращается съ мольбой къ умершему другу, чтобы тотъ шепнулъ ему, есть ли счастье тамъ, или и тамъ онъ также несчастенъ, какъ здѣсь?

... „Счастливъ ты тамъ, иль вновь несчастенъ?
Устами ангела шепни.
А этотъ міръ,—онъ такъ ненастенъ,
Великій міръ живой тоски!
О, если тѣнь ложится нѣжно
Отъ деревца и рядомъ ключъ,
И если тамъ любовь негрѣшна,
И воздухъ чистъ,—
Я скину рубища души,
Лохмотья—жизнь, хотя бъ сейчасъ,
Одѣнусь въ скорбный прахъ земли...
О, другъ, тамъ есть ли миръ для насъ?..“

Не надо многаго, сердце ничего не проситъ. Но если есть хоть одно зеленое деревцо, отъ котораго ложится нѣжная тѣнь, и если рядомъ журчитъ холодный ключъ, — этого уже довольно. Онъ скинетъ съ себя рубища души — эту суетную жизнь бреннаго тѣла и придетъ, придетъ къ нему, къ старому, вѣрному другу, съ которымъ на кручахъ Чамлычая онъ любо-

вался тучами и небомъ и предавался возвышающей власти молчанья и тишины. Онъ придетъ, потому что здѣсь ему ужъ нечего дѣлать, здѣсь ему все уже постыло. Ему уже нечего искать въ этомъ мірѣ, въ которомъ день, какъ боль, ночь, какъ гробъ, луна, какъ плакальщикъ надъ всѣми одинокими странниками этой убійственной пустыни, въ которой все дышетъ смертью, все полно невидимыми каплями ея поражающаго яда. Онъ придетъ, потому что ничто не могло бы удерживать его здѣсь, въ этой юдоли страданій...

„Ахъ, я имѣлъ такъ много розъ,
И въ сердцѣ много, много звѣздъ,
Но далъ мнѣ рокъ лишь горечь слезъ,
Сорвалъ цвѣты и блескъ унесъ"...

Но розы эти тоже были отравлены ядомъ смерти, а звѣзды эти развѣ не были тѣ самыя звѣзды, которыя онъ назвалъ „факелами смерти?"

Такъ прошла его душа, этотъ ранній осенній листокъ, по суровой тропинкѣ жизни, гонимая холоднымъ вѣтеркомъ и не познавшая радостей жизни.

Недолго онъ прожилъ послѣ этого. Недолго онъ промучился послѣ всего пережитаго, но на вѣсы своей жизни онъ положилъ такъ много непередаваемыхъ мукъ, такъ много сверкающихъ росинокъ своихъ слезъ, что вовѣки неискупленными останутся они передъ судомъ Божьимъ, вовѣки не оправданы будутъ тѣ непостижимыя силы, которыя такъ жестоко скосили его, унесли его въ загадочную даль, въ которой, кто знаетъ, таится радость или вѣчная боль?..

И жизнь, эта суровая необходимость, эта многоликая, коварная загадка, вѣчный призракъ въ пустынѣ міра, развѣ не чувствуетъ она, какъ бился и мучился въ жестокихъ объятіяхъ ея этотъ скорбный юноша, чье пламенное сердце „напрасно дымилось предъ нею"?

И что она можетъ отвѣтить ему, этому одинокому страдальцу, чьи безжизненные глаза долгіе годы смотрятъ на нее въ упоръ съ нѣмою невыразимою тоской?

Что скажетъ она ему, если вдругъ эти глаза, эти печальные глаза, оживутъ снова, и уста, воспаленныя, блѣдныя уста, спросятъ: "За что?.."

Тигранъ Ахумянъ.

Караклисъ.
12 сентября 1917 г.

Письма съ пути.

Собираюсь перебраться изъ Батума въ Трапезундъ. Теперь нѣтъ обычнаго пароходнаго движенія, нѣтъ очереди у пароходной кассы. Для переѣзда въ Трапезундъ необходимо обратиться за пропускомъ къ коменданту города. Необходимыя формальности совершены, и я на товарной пристани. Транспортъ кончаетъ погрузку, то и дѣло слышится «майна» и «вира».

На берегу гремитъ духовой оркестръ, провожающій маршевую роту. Публика толпится на пристани въ ожиданіи разрѣшенія взбѣжать по трапу на транспортъ. Каютъ нѣтъ. Человѣкъ сорокъ тѣснятся гдѣ и на чемъ попало въ каютъ-компаніи безъ спальныхъ мѣстъ. Несмотря на строгости, среди солдатъ пробирается очень много штатскихъ: грековъ, армянъ и даже турокъ. Очень много женщинъ и даже съ грудными младенцами. Море на удивленіе тихое и безшумное. Все кончено. Дежурный миноносецъ возвратился изъ далекой развѣдки. Послышался гудокъ, и транспортъ отчалилъ. Все стихло. Слышны были тихіе разговоры о подводныхъ лодкахъ. Вдругъ послышалась команда: «Огни потушить, не смѣй курить. Бросьте, товарищи, курить. Потерпите».

Вмигъ солдаты разобрали пробковые спасательные круги. Конечно, хватило не всѣмъ. Мы двигались медленно. Кругомъ царила тишина и глубокій мракъ. Чувствовалось, что опасность близка. Ночь темная укрывала насъ отъ глазъ врага. Только слышенъ былъ, иногда, всплескъ плывшихъ за нами дельфиновъ.

«Страшись, не страшись, сказалъ я себѣ, а дѣлу не помочь».

Утомившись отъ наблюденія темноты и почувствовавъ морскую сырость, я спустился въ каютъ-компанію и, развалившись на своихъ вещахъ, уснулъ крѣпкимъ сномъ до самаго утра. Ночь прошла благополучно. Въ 7 ч. утра, т.-е. черезъ двѣнадцать часовъ плаванія мы были на Трапезундскомъ рейдѣ. Вновь формальности. Вновь просмотръ документовъ и вещей. Наконецъ, душа на свободѣ и, нагрузивъ турка моимъ багажомъ, я отправился въ армянскій епархіальный домъ.

Я шелъ по Туркестанской улицѣ. Эта улица прежде кишмя-кишѣла армянами. Здѣсь сосредоточена была торговля армянъ и были ихъ главныя фирмы.

На этой же улицѣ находится громадный армянскій соборъ во имя св. архистратига Стефана, который послѣ выселенія и рѣзни армянъ былъ заваленъ ихъ имуществомъ.

Въ Трапезундѣ было болѣе 3 т. армянскихъ семействъ. Нужно себѣ представить, сколько здѣсь было домашнихъ вещей: мебели, роялей, кроватей, лампъ и т. п.

Я видѣлъ фотографическій снимокъ, сдѣланный во время разборки только жалкаго остатка бывшаго богатства армянъ. На этомъ снимкѣ видны были тысячи лампъ и кроватей. Теперь храмъ совершенно пустъ. Имущество расхищено турками, у турокъ расхитили греки, остатки забирали для нуждъ войсковыхъ частей и т. д...

Объ ужасной рѣзнѣ трапезундскихъ армянъ много писали. Я не стану повторять разсказовъ объ этихъ ужасахъ, но скажу кое что о современномъ положеніи горсти армянъ. Въ самомъ Трапезундѣ и ближайшихъ къ нему селахъ не болѣе 800 душъ армянъ, спасшихся тѣмъ или

инымъ путемъ. Одни изъ нихъ занимаются торговлей, другіе поселились въ селахъ и занялись сельскимъ хозяйствомъ, третьи—вдовы и сироты, живутъ, получая субсидію отъ армянскаго комитета и союза городовъ. Въ небольшой, Богородицкой, церкви совершается богослуженіе священникомъ Хореномъ, спасшимся отъ рѣзни въ районѣ Самсуна. Въ городѣ господствуютъ греки. Они разбогатѣли за счетъ армянъ. Не довольствуясь этимъ, греки, тѣмъ не менѣе, и теперь не оставляютъ ихъ въ покоѣ. Всѣ дома армянъ реквизированы для нуждъ войсковыхъ частей. Оставался лишь домъ во дворѣ церкви, гдѣ помѣщалась раньше школа. Здѣсь устроены были бѣженцы, помѣщался клубъ «Дашнакцутюнъ», контора отдѣленія кавказскаго армянскаго благотворительнаго общества и складъ вещей, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома. И вотъ, однажды, въ концѣ октября, приходятъ помощникъ городского головы (грекъ) и члены реквизиціонной комиссіи и приказываютъ очистить домъ для двухъ сотенъ пластуновъ. Всѣ просьбы и убѣжденія не привели ни къ чему. Грекъ не могъ найти другого помѣщенія среди своихъ земляковъ для двухъ сотенъ пластуновъ, и онъ нашелъ возможнымъ лишить армянъ единственнаго помѣщенія, гдѣ ютались разныя учрежденія. Этого мало. Греки указали на одинъ армянскій магазинъ, какъ на удобное помѣщеніе для солдатъ. Магазинъ этотъ въ нѣсколько часовъ былъ очищенъ, т.-е. товары выброшены. У армянъ защитниковъ нѣтъ, а греки сильны и количественно и матеріально.

Отъ былой шумной общественной жизни армянъ теперь и помина нѣтъ. На смѣну пришли другіе люди. Въ Трапезундѣ много солдатъ армянъ. У нихъ есть безпартійный военный союзъ.

Я собралъ ихъ въ церкви, совершилъ для нихъ богослуженіе, затѣмъ, по ихъ просьбѣ, былъ на ихъ собраніи и бесѣдовалъ съ ними на злободневныя темы.

Я видѣлъ ихъ воодушевленіе. Я слышалъ рѣчи простыхъ солдатъ, которые въ простыхъ словахъ призывали товарищей къ терпѣнію, къ сознательному отношенію къ своимъ обязанностямъ, къ защитѣ пріобрѣтенныхъ революціей свободъ. Прежде я не замѣчалъ за армянами солдатами умѣнія выражать свои мысли. Теперь меня радовала способность ихъ выражать свое настроеніе и свои думы.

У всѣхъ было одно желаніе быть переведенными въ армянскіе полки, подобно тому, какъ украинцевъ переводятъ въ ихъ національныя части.

Покончивъ съ Трапезундомъ, я рѣшилъ отправиться дальше по позиціямъ. Но начальство предупредило меня, что мнѣ придется испытать неимовѣрныя затрудненія въ виду отсутствія дорогъ. Время, дѣйствительно, уже позднее. Повсюду по горамъ выпалъ снѣгъ, а по ущельямъ носятся густыя облака, моросить мелкій дождь. Узкія вьючныя тропы стали скользкими и опасными. Въ Трапезундѣ стояла жаркая погода. На грузовикѣ, везущемъ артиллерійскіе снаряды, я отправился по Трапезундскому шоссе въ Ардасу черезъ Джавизликъ и Хамсикей. Дорога теперь сравнительно съ прежнею расширена, но такіе повороты и головокружительные спуски, что каждую минуту рискуешь сорваться въ пропасть. Мнѣ пришлось подниматься на перевалъ Зигана — Ханлари, около 7,700 фут., а оттуда спуститься къ Ардасу. Здѣсь страшные спуски. Все время машина идетъ холостымъ ходомъ, а иногда при поворотахъ принуждена останавливаться, такъ какъ сразу невозможно повернуть. Только прибывъ въ Ардасу, можно легко вздохнуть. Ардаса—уѣздный городокъ, окруженный высокими отвѣсно поднимающимися горами. Это небольшой городокъ, населенный греками, турками и отчасти армянами. Теперь ни турокъ, ни армянъ нѣтъ. Имѣется мечеть и маленькая греческая церковь. Я совершилъ богослуженіе въ этой церкви, причемъ присутствовали и греки.

На одной скалѣ виднѣются развалины древней крѣпости, называемой жителями «козлиной крѣпостью». Изъ Ардасы мнѣ пришлось отправиться верхомъ къ сел. Монастырь. Я поднялся на высоту Сарычъ-дага (свыше 9 тыс. фут.). Вершина перевала покрыта густымъ хвойнымъ лѣсомъ, по которому продѣлана просѣка для прохода вьючниковъ.

Съ перевала я вынужденъ былъ спускаться пѣшкомъ, такъ какъ по каменистымъ и крутымъ тропамъ невозможно ѣхать верхомъ. Верстъ 10 я едва прошелъ въ теченіе трехъ часовъ, такъ трудно было передвигаться.

Монастырь—небольшая полуразрушенная греческая деревня. Жителей нѣтъ. Здѣсь помѣщался штабъ N-скаго полка, въ которомъ достаточно солдатъ армянъ. Позиція здѣсь близки, и я рѣшилъ собрать ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что моя усталость не давала мнѣ возможности двигаться дальше. Вообще, надо сказать, что въ районѣ Трапезундскаго корпуса полное бездорожье, если не считать главной артеріи трапезундскаго шоссе. Повсюду шла предвыборная агитація. Повсюду я видѣлъ плакаты меньшевиковъ, большевиковъ, эсеровъ и украинцевъ, которые выступили на кавказскомъ фронтѣ съ отдѣльнымъ спискомъ кандидатовъ въ Учредительное Собраніе. Солдаты армяне обращались ко мнѣ съ вопросомъ, за какой списокъ голосовать. Я давалъ имъ разъясненіе по различнымъ программамъ, предоставляя имъ послѣ моихъ разъясненій разбираться самимъ за кого голосовать.

За день погода много разъ мѣнялась. То наше ущелье покрывалось туманомъ, то моросилъ дождикъ, то изъ-за горъ проглядывало солнце.

На лѣвомъ флангѣ у насъ цѣлый день гудятъ пушки, обстрѣливая турокъ и мѣшая имъ строить землянки. Перебѣжчики говорятъ, что турки устраиваются на зиму.

Прот. Р. Бекгульянцъ.

Монастырь, XI/6.

Къ вопросу о возстановленіи сельскаго хозяйства въ разоренныхъ войной областяхъ Турецкой Арменіи.

Главнѣйшая забота агрономической мысли въ Арменіи должна быть направлена на поддержаніе и развитіе сельскаго хозяйства, главнымъ образомъ, въ области полеводства и скотоводства, какъ важнѣйшей отрасли труда армянскаго крестьянства. Необходимость поддержанія и развитія соотвѣтствующихъ организацій сельскаго хозяйства никѣмъ не оспаривается. Что же касается вопроса объ улучшеніи кустарнаго труда, то на это обращается весьма недостаточное вниманіе; между тѣмъ, онъ изстари имѣлъ и въ настоящее время имѣетъ доминирующее значеніе въ жизни армянскаго крестьянства.

Кустарный трудъ, въ нѣкоторыхъ районахъ Арменіи позволяетъ крестьянину использовать, въ полной мѣрѣ, свободное отъ сельско-хозяйственныхъ работъ, зимнее время.

Необходимость развитія кустарной промышленности диктуется также и другими соображеніями. Прежде всего на нее надо смотрѣть, какъ на способъ страхованія населенія отъ возможныхъ неурожаевъ. Въ этихъ случаяхъ значеніе кустарнаго труда выступаетъ особенно рельефно; онъ предохраняетъ крестьянское хозяйство отъ полнѣйшаго разстройства, отъ необходимости продавать за безцѣнокъ свой, крайне нужный для хозяйства живой инвентарь—скотъ и пр., чтобы имѣть возможность купить по дорогой цѣнѣ хлѣбъ, избавляя такимъ образомъ населеніе отъ недоѣданія. Какъ извѣстно, на почвѣ недоѣданія начинаются развиваться болѣзни, что вполнѣ понятно, такъ какъ организмъ человѣка, ослабленный недостаточнымъ питаніемъ, становится воспріимчивымъ къ заболѣваніямъ; слѣдовательно, кустарный трудъ въ этомъ случаѣ предохраняетъ его отъ вырожденія и вымиранія.

Насколько высоко стоитъ техника нѣкоторыхъ отраслей кустарнаго труда въ разныхъ областяхъ Арменіи всѣмъ хорошо извѣстно. Такъ напримѣръ, знаменитое кустарное производство ковровъ не оставляетъ желать ничего лучшаго; изящные ковры ручной выдѣлки (работа армянокъ Турецкой, русской и персидской Арменіи, а также другихъ женщинъ востока) широко распространяются во всѣхъ роскошныхъ дворцахъ Англіи, Америки, Франціи, Россіи и др. странъ.

Несмотря на то, что въ послѣднее время въ Анатоліи, по свѣдѣніямъ «Торговопромышленной газеты», функціонировало шесть большихъ шерстепрядильныхъ и ковровыхъ фабрикъ иностранныхъ компаній съ капиталомъ болѣе 10-ти милліоновъ руб., кустарное производство ковровъ продолжаетъ развиваться въ значительныхъ размѣрахъ. Въ послѣднее время вывозъ ковровъ изъ Малой Азіи увеличился и достигъ 10-ти милл. руб. Турецкое правительство для развитія этой промышленности издало законъ, разрѣшающій безплатный провозъ шерстяной пряжи, необходимой въ ковровомъ производствѣ. Промышленность эта теперь нуждается въ поддержкѣ русскаго правительства, тѣмъ болѣе, что и русская текстильная промышленность будетъ имѣть широкую возможность снабжать ее спеціальной пряжей, какъ въ настоящее время она вырабатываетъ пряжу для вывоза въ Персію, для нуждъ ея ковроваго производства.

Къ сожалѣнію, кустарное ковровое производство въ настоящее время нѣсколько ухудшилось, вслѣдствіе введенія, новыхъ, фабричныхъ анилиновыхъ красокъ. Оказалось, что химическія краски, хотя болѣе яркія, разнообразныя не могутъ сравниваться по своимъ качествамъ съ растительными красками, которыя примѣнялись населеніемъ въ прежнее время для окрашиванія ковровъ.

Дешевыя анилиновыя краски фабричнаго производства, которыя стало населеніе примѣнять въ послѣднее время для окраски ковровъ, пока только ухудшили кустарно-ковровую промышленность, такъ какъ краски эти скоро выцвѣтаютъ и вообще крайне не прочны.

Благодаря введенію анилиновыхъ красокъ и вслѣдствіе утраты населеніемъ старыхъ рисунковъ, нѣкогда знаменитое Карабахское ковровое производство (Шушинскій и сосѣдніе уѣзды, Елисаветпольской губ.)—упало весьма низко; въ настоящее время, ковры этого района, выбрасываемые на рынокъ въ большомъ количествѣ, продаются по значительно пониженнымъ цѣнамъ—чѣмъ, конечно, причиняется огромный вредъ экономическому благосостоянію населенія; то же самое явленіе наблюдается и въ другихъ районахъ. Для того, чтобы окончательно не погубить эту отрасль кустарнаго труда необходима особенно напряженная работа химиковъ и художниковъ, чтобы отыскать и распространить среди населенія лучшія, болѣе прочные краски и возстановить утраченные населеніемъ старинные рисунки ковровъ. Къ счастью, имѣются нѣкоторыя болѣе прочныя, искусственныя ализариновыя краски. Но прежде чѣмъ ихъ распространять среди населенія, необходимо ихъ испытать въ отношеніи главныхъ факторовъ: къ дѣйствію свѣта, воды, тренія и т. п., вліянію которыхъ будутъ подвергаться издѣлія изъ окрашеннаго матеріала. Но, все же, пока гдѣ это возможно, желательно всячески сохранять и старинные способы окрашиванія растительными красками. Иначе экономическое положеніе армянскаго населенія (а также остальныхъ восточныхъ народовъ) должно сильно пострадать. Отысканіе и распространеніе прочныхъ химическихъ красокъ необходимо также и для другой отрасли кустарной промышленности—для окрашиванія суконныхъ, бумажныхъ и шелковыхъ матерій, производство которыхъ распространено среди армянскаго крестьянскаго населенія, а также и остальныхъ народовъ Закавказья и Турецкой Арменіи.

Эта отрасль кустарной промышленности уже уступаетъ фабричному производству по качеству и изяществу выдѣлываемыхъ матерій, но и въ данномъ случаѣ допустимо значительное улучшеніе, благодаря возможности введенія усовершенствованнаго ткацкаго ручнаго станка, и частныхъ или

общественныхъ сукновалень; кромѣ этого, главнымъ образомъ, необходимо распространеніе среди кустарей шерстечесальной машины упрощеннаго типа, вмѣсто ручного битья шерсти; какъ выше уже было упомянуто, крайне необходимо поучить кустарей улучшеннымъ способамъ окраски шерсти, смѣси ея и пр.; весьма важно примѣненія шерсти тонкорунныхъ овецъ, бонитировка ея, а также устройство общественныхъ или частныхъ шерстепрядилень. Впрочемъ, и въ этой отрасли народнаго труда не все уступаетъ фабричному производству; такъ, напримѣръ, извѣстныя въ Закавказьѣ суконныя матеріи изъ верблюжьей шерсти весьма изящны, тонки и прочны. Необходимо улучшить только ихъ окрашиваніе, такъ какъ цвѣтъ ихъ однообразный. На техническое улучшеніе выдѣлки суконныхъ матерій и на ихъ окрашиваніе необходимо обратить особое вниманіе, такъ какъ Арменія всегда была и будетъ страной, производящей большое количество шерсти разныхъ домашнихъ животныхъ. Благодаря гористому рельефу всегда будутъ преобладать различные виды животноводства и главнѣйшее изъ нихъ мясошерстяное или шерстное овцеводство. Есть районы, гдѣ благодаря горамъ земледѣліе почти отсутствуетъ, уступая свое мѣсто коневодству, скотоводству крупному и мелкому и пр. Насколько совершенны и изящны бываютъ работы армянскаго кустаря можно видѣть также на различныхъ художественныхъ серебряныхъ издѣліяхъ Ванскихъ, Ахалцыхскихъ и др. кустарей-армянъ; по красотѣ онѣ не уступаютъ лучшимъ издѣліямъ заграничныхъ мастеровъ. Эта отрасль народнаго труда нуждается лишь въ художественномъ обученіи, главнымъ образомъ, на мотивахъ армянскихъ древнихъ рисунковъ. Въ этомъ отношеніи очень желательно, чтобы армянскіе художники изучили древніе армянскіе рисунки, разработали ихъ соотвѣтствующимъ образомъ, дабы дать возможность кустарямъ воспользоваться мотивами народнаго творчества въ тѣхъ или другихъ произведеніяхъ (въ ковровыхъ, серебряныхъ издѣліяхъ и пр.). Желательно, чтобы эти узоры были изданы въ видѣ отдѣльныхъ рисунковъ, альбомовъ—для болѣе удобнаго пользованія. Въ настоящее время имѣется альбомъ ковровыхъ рисунковъ, изданный нѣмцами. Необходимо подобное же армянское изданіе въ духѣ армянскаго древняго художественнаго творчества. Изданіе подобныхъ альбомовъ, вѣроятно, возьмутъ на себя либо частныя лица-меценаты, либо общественныя учрежденія.

Богатый художественный матеріалъ сѣдой старины сохранился до нашихъ дней въ драгоцѣнной ризницѣ Эчміадзинскаго монастыря, въ музеѣ его, а также въ многочисленныхъ древнихъ рукописяхъ съ художественными украшеніями. Эчміадзинскій монастырь представляетъ собой центръ древней армянской культуры, а потому здѣсь сосредоточены памятники армянскаго художественнаго творчества, которые могутъ быть использованы для кустарнаго дѣла. Огромный художественный интересъ представляютъ собой также развалины армянской столицы Ани, гдѣ производятся систематическія раскопки профессоромъ Н. Я. Марромъ.

Найденные вазы, сосуды, обломки фаянсовыхъ и глиняныхъ чашъ, разныхъ глиняныхъ и металлическихъ издѣлій и пр. представляютъ также весьма цѣнные образцы рисунковъ и орнаментовъ армянскаго художественнаго творчества.

Кромѣ этого, рѣдкіе экземпляры различныхъ древнихъ формъ и узоровъ найдутся также въ другихъ армянскихъ церквахъ и монастыряхъ. Такъ, напримѣръ, въ церкви Архангеловъ въ Ѳеодосіи сохранились двери изъ орѣховаго дерева, весьма художественной, рѣзной работы, вывезенныя изъ армянской столицы Ани, во время переселенія оттуда армянъ въ Крымъ. Такія же двери имѣются также и въ музеѣ г. Ѳеодосіи. Тамъ же въ церкви св. Сергія имѣются также древней работы мраморные вазы—купели и др. предметы. Прекрасной работы кресты, вырѣзанные на мраморѣ плитокъ, съ весьма затѣйливыми, художественными украшеніями имѣются въ армянской церкви г. Нахичевани на Дону. Такіе же цѣнные памятники древняго армянскаго искусства найдутся, конечно, и въ другихъ мѣстахъ. Точно также необходимо детальное изученіе старинныхъ армянскихъ художественныхъ миніатюръ.

Такое изученіе ихъ уже производится о. Гарегиномъ. Слабыя попытки использовать мотивы народнаго творчества и дать возможность Ванскимъ серебрякамъ воспроизвести рисунки старинныхъ армянскихъ орнаментовъ, повидимому, уже начаты въ мастерской Ванскихъ бѣженцевъ въ г. Эривани, по иниціативѣ г. Малхоса, организовавшаго этихъ серебряковъ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ статьи г. П. М. «Ванскіе ювелиры въ Эривани», помѣщенной въ журналѣ «Армянскій Вѣстникъ» за 1916 г. въ № 31-мъ. «Завѣдующій мастерской г. Малхосъ пытается поставить дѣло на иныхъ началахъ. Въ виду того, что мастера теперь матеріально обезпечены и не зависятъ отъ работы изо дня въ день, г. Малхосъ при помощи лучшаго знатока армянской миніатюры архимандрита Гарегина изучаетъ армянскіе орнаменты, и по даннымъ рисункамъ мастера изготовляютъ вещи преимущественно въ армянскомъ стилѣ. Такимъ образомъ вмѣсто табакерокъ съ портретами и безвкусныхъ и пріѣвшихся рисунковъ, въ родѣ «Духъ Арменіи», «Вартаново побоище» и пр. мы будемъ имѣть болѣе тонкую и изысканную и во всякомъ случаѣ новую работу».

Весь этотъ богатый художественный матеріалъ сѣдой старины представляетъ большой интересъ не только въ смыслѣ возможности использовать его въ кустарномъ дѣлѣ, но также въ дѣлѣ возстановленія древняго армянскаго архитектурнаго и художественнаго искусства.

Агрономъ Г. Арутюновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ издатель *Ив. Т. Амировъ*.
Издатель «Моск. Армянское Издательство».

АКЦIОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

„МОСКОВСКОЕ АРМЯНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“

Уставъ утвержденъ 26 Апрѣля 1917 года.
Основной капиталъ—200.000 рублей.
Акцiй—2.000, по 100 рублей за акцiю.

Уставъ и справки можно получить: въ Москвѣ, — у Учредителя О-ва И. Т. Амирова, Мясницкая, 20. На Кавказѣ, — у Т. С. Ахумянцъ, Караклисъ, Эриванской губернiи.

ЦѢЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Дать армянскому народу его родную литературу, также иностранныхъ классиковъ, на армянскомъ языкѣ, въ возможной полнотѣ и доступности. Ознакомить Западъ съ армянской культурой и произведенiями искусства. Открыть нормальный выходъ молодымъ силамъ Арменiи путемъ изданiя ихъ трудовъ. Для этихъ цѣлей Издательство будетъ открывать типографiи, агентуры, склады печати и проч. въ центрахъ и на мѣстахъ.

Учредитель Общества И. Т. Амировъ.

„АРМЯНСКIЙ ВѢСТНИКЪ“

имѣются для продажи слѣдующiя изданiя:

1. «Поэзiя Арменiи». Сборникъ подъ редакцiей В. Брюсова. Цѣна 5 р.
2. „Сборникъ армянской литературы“ подъ редакцiей М. Горькаго. Цѣна 2 рубля.
3. *Т. Теръ-Григорьянъ* «Руководство къ Армянской Исторiи» (среднiе вѣка). Баку, 1913 г. Ц. 55 к.
4. То же (древнiй вѣкъ). Баку, 1913 года. Ц. 70 к.
5. *Ал. Цатурiанъ*. «Русскiе поэты». Кн. 2-я Кольцовъ, Некрасовъ, Никитинъ, Плещеевъ (на арм. яз.). Цѣна 1 р.
6. Журналъ «Горцъ» за 1917 г. № № 1, 2, 3, цѣна кажд. № 2 руб.
7. *А. Агароньянъ*. «Затмись, луна». Пер. Л. Г. Халатова. Изд. М. Арм. Ст., № 2. Ц. 20 к.
8. Сонъ Вартана, изъ романа *Раффи* «Хентъ».. Перев. Кара-Мурза. Цѣна 25 к.
9. *К. Коротковъ*. „Семирамида“ (Шамирамъ). Поэма. Москва, 1917 г. Ц. 1 р.
10. *Ст. Теръ-Саргеянцъ*. Изъ „Ранъ Арменiи“. Хачатура Абовяна. Ц. 30 к.
11. „Армянскiе поэты“ въ перев. *С. Я. Шарти*. Ц. 1 р. 50 к.
12. Ноты *Г. А. Казаченко*. „Зейтунскiй Маршъ“. Цѣна 1 р.
13. Ноты *А. Спендiарова*. „Разудалые бойцы“. Цѣна 1 р.
14. Географ. карта *А. Абегяна* „Арменiя“ на армянскомъ языкѣ. Цѣна 2 р. 50 к.
15. Геогр. карта „Европейской войны“, на арм. яз. изд. Г. И. Демурова, Ц. 1 р. 50 к.
16. „Одержимая падучею“. *Ширванзадэ*. (Повѣсть на армяскомъ языкѣ) Ц. 60 к.
17. Армяно-Григорiанскiй календарь на 1917 г, на русскомъ языкѣ. Цѣна 50 к.
18. *Б. Ишханянъ*. Народности Кавказа. Ц. 1 р. 50 к.
19. *Г. А. Гибсонъ*. Послѣднiя избiенiя въ Арменiи. Цѣна 50 коп.

ИЗДАНIЯ АРМЯН. НАЦIОН. БЮРО:

20. № 1. Оборона Вана. Ц. 50 к.
21. № 2. Какъ они разгромили нашъ Сасунъ. Ц. 15 к.
22. № 3. На пути отъ Харберта до Урфы. Ц. 15 к.
23. № 4. Какъ и почему стали мы убiйцами и грабителями. Ц. 15 к.
24. Уставъ О-ва Потребителей армянъ въ Москвѣ. Ц. 50 к.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:

I. Н. АНАНОВЪ — СУДЬБА АРМЕНIИ.

Москва, 1918 г. ◆◆ Цѣна 50 коп. ◆◆ Изд. „ЗАДРУГА“.

Выписывать можно изъ редакцiи „Армянскаго Вѣстника“.

Тип. «Моск. Печ. Производство», Мясницкая 2[illegible]